В.П. ПОПОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕЗЕРВ ХЛЕБА В СССР И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

ПОПОВ Василий Петрович — доцент Московского педагогического государственного университета.

Для правильной оценки политики государства коротко остановимся на вопросе о государственном резерве хлеба в СССР, тем более, что в работах отечественных и зарубежных историков он специально не рассматривался. В СССР задачи образования и хранения неприкосновенного фонда хлебофуража были возложены на Комитет резервов при СТО (в последующем преобразовано в управление (главное управление) государственных материальных резервов при СНК СССР, затем - в министерство государственных продовольственных и материальных резервов). Структура центрального аппарата включала: отделы, управляющие собственным хозяйством (отдел хлебофуражных баз и элеваторов; отдел товарных баз); отделы по контролю за мобзапасами наркоматов и ведомств, а также функциональные отделы (планово-финансовый, кадров и др.). Периферийные органы включали управления резервов по отдельным краям и областям, а также военным округам. Разбронирование государственных резервов и мобилизационных запасов производилось "в самых исключительных случаях, каждый раз по специальному решению СНК".

Войну страна встретила, имея резерв хлеба более 5 млн тонн (таблица 5). В исторической литературе сведения о национальном хлебном запасе за 40-е годы содержатся в книге Д.А. Волкогонова [1]. Однако автор приводит цифры только по состоянию на 1 июля каждого года, т.е. накануне нового урожая, что не дает полного представления о действительных размерах запаса, его расходовании и пополнении. Приведенные нами показатели отчасти восполняют этот пробел.

По сведениям главного управления государственных материальных резервов за 1941-1944 гг. для нужд Красной Армии и народного хозяйства было разбронировано 15047,8 тыс. тонн хлеба, а заложено в госрезерв - 10074,0 тыс. тонн. После войны национальные запасы хлеба значительно выросли - показатели за январь 1951 г. почти в четыре раза превышают аналогичную цифру за январь 1941 г. (таблица 1). Даже в 1946-1948 гг., когда многие районы страны поразили засуха и голод, государственные запасы перед новым урожаем (по состоянию на 1 июля) превышали соответствующий показатель за военные годы. Этот факт весьма показателен для оценки социальной политики советского государства.

Теперь рассмотрим, какую долю в ежегодных сборах зерна составляла товарная продукция. По расчетам ЦСУ СССР (октябрь 1949 г.), в целом она составляла в 40-е гг. 38-40%. Полагаем, что действительная цифра была выше, поскольку только государственные заготовки составляли в рассматриваемый период ежегодно 40-45% всего фактического урожая. Если взять всю товарную продукцию за 100%, то часть, отчуждаемая государством в виде заготовок и закупок, колебалась в пределах 77-82%, а объем продаж на колхозных рынках - 14—20%. В 1940—1945 гг. происходит резкое расширение посевов зерновых культур на приусадебных участках колхозников - с 0,9 до 1,6 млн га. В единоличных крестьянских хозяйствах этот показатель составлял в 1940 г. - 9,9, а в 1945 г. - 8,2 млн га. Если посевные площади зерновых в единоличных хозяйствах затем резко сократились (до 0,25 млн га в 1951 г.), то у колхозников, наоборот, выросли (до 1,8 млн га в 1951 г.).

Приведенные цифры отразили простой факт - посевы и урожай зерновых на приусадебных участках колхозников возмещали им то, что недодавало колхозное произ-

Таблица I

Наличие хлеба государственного резерва в 1940-1951 гг. (тысяч тонн)*

По состоянию на	Все ресурсы	В том числе на ответхранении НКЗага (МИНЗАГА)
января 1940 г.	4322,3	494,5
июля 1940 г.	3975,4	615,8
января 1941 г.	5876,4	617,0
июля 1941 г.	5230,2	476,5
января 1942 г.	6327,9	3289,7
июля 1942 г.	6807,3	4399.2
января 1943 г.	7201,1	4690,3
июля 1943 г.	5461,7	4292,7
января 1944 г.	5463,7	3706,7
июля 1944 г.	2710,3	1738,0
января 1945 г.	н.св.	н.св.
июля 1945 г.	8177	2210
января 1946 г.	10058	5821,6
июля 1946 г.	6000	3141,1
января 1947 г.	н.св.	3608,0
июля 1947 г.	4700	1467,2
января 1948 г.	н.св.	9529,2
июля 1948 г.	10500	4847,3
января 1949 г.	18773	11207,1
1 июля 1949 г.	13900	7402,5
января 1950 г.	20930	13074,1
1 июля 1950 г.	16000	10275,0
января 1951 г.	21000	14559,0
1 июля 1951 г.	16300	10861,6

* Составлено по данным: ГАРФ. АРХИВНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ; РГАЭ. АРХИВНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ.

водство. Особенно заметно расширились эти посевы в зерновых районах страны (Поволжье, Северный Кавказ, Алтай), т.к. именно в них выдача зерна по трудодням сильно сократилась. Если бы причина заключалась только в войне, то в последующие годы производство зерновых на приусадебных участках колхозников должно было понизиться. Этого не произошло. Та же картина - увеличение посевов зерновых в личных хозяйствах за послевоенный период - наблюдалась не только у сельских рабочих и служащих, но и у городских.

Не представляется возможным точно определить, какая часть произведенного в личных хозяйствах хлеба шла на продажу, а какая на потребление, так как многое зависело от местных условий, состава семей, близости сел и деревень к городским поселениям. Существовали, как будет показано ниже, и факторы внеэкономического характера. По расчетам ЦСУ, индекс объема продаж на колхозных рынках крупных городов продуктов растениеводства изменялся так (1940 г. - 100%); 1945 г. - 82%, 1946 г. - 103%, 1947 г. - 127%, 1948 г. - 147%, 1949 г. - 170%, 1950 г. - 193%.

Сопоставляя это почти двойное увеличение с расширением зерновых посевов в хозяйствах колхозников, можно предположить, что к концу 40-х гг. немалая часть произведенной ими продукции растениеводства (включая зерновые) поступала на внедеревенский рынок. Все же, учитывая низкие выдачи зерна на трудодень в большинстве колхозов страны, полагаем, что подавляющая часть выращенного хлеба потреблялась самими сельскими жителями. Отмена карточной системы в стране в декабре 1947 г. не могла радикально изменить ситуацию. Во-первых, потому, что продуктов питания в стране хронически не хватало. Министерство торговли ежегодно отмечало в своих секретных сводках повышение спроса на хлеб за счет увеличения притока в города сельских жителей за покупкой продовольствия. Как правило, это происходило весной, когда запасы деревни подходили к концу. Так, в 1949 г. подобная картина

Распределение оприходованного колхозами зерна по СССР (в % к итогу)*

Годы	Всего оприходовано зерна колхозами[1]		Сдано и продано государству (включая натуроплату)	Засыпано в фонды колхоза (включая рыночный фонд)	Определено к выдаче колхозникам и трактористам (включая наемных лиц)
	млн ц	%	%	%	%
1936	469,6	100	44	33	23
1937	849 7	100	30	34	36
1938	645 0	100	36	37	27
1939	642 9	100	40	37	23
1940	767 4	100	43	37	20
1946**	291,4	100	52	34	14
1947**	476,4	100	51	33	16

* Составлено по данным *Попов В П* Российская деревня после войны Сборник документов М 1993 С 37

** С включением колхозов западных районов УССР БССР, МССР

наблюдалась не только в промышленных районах (Тула), но и в зерновых (Воронежская и Ростовская области, Украина) Это происходило потому, что до выполнения плана хлебозаготовок в целом по области, краю или республике колхозам, колхозникам и единоличникам запрещалось продавать свой хлеб, а также зерно и муку на городских и сельских базарах, железнодорожных станциях Чем урожайнее был год, тем больше планы поставок, которые колхозам не всегда удавалось выполнить (мы уже писали, что послевоенные планы хлебозаготовок выполнялись только половиной всех колхозов страны) Государственные запреты ограничивали объемы продаж, но людская нужда преодолевала преграды Как свидетельствует выборочное обследование ЦСУ (конец 40-х гг) колхозных рынков 251 крупного города, среднемесячная реализация хлебных продуктов после разрешения свободной продажи была больше, чем до этого Однако и в период запретов фактическая продажа производилась в значительных размерах Это обследование также показало, что небольшое количество хлебных продуктов продавалось в августе-сентябре, в последующие месяцы размеры продаж возрастали и достигали наибольшей величины к концу весны - началу лета, т е накануне нового урожая. Следовательно, и в условиях жестких государственных ограничений существовали в стране колхозы и отдельные лица, которые пытались приспособиться к ситуации и придержать хлеб до весны, когда рыночные цены повышались Позволить это могли только крепкие хозяйства, люди, имеющие развитое личное хозяйство или профессиональные перекупщики Особые выгоды приносила продажа хлеба в войну Так, индекс цен на городских колхозных рынках на хлебные продукты в военные годы вырос больше, чем на остальное продовольствие (1940 г = = 100%) 1941 г - 117%, 1942 г - 1045%, 1943 г - 2155%, 1944 г - 2360%, 1945 г - 948%

Рассмотрим, в каких размерах и как распределялась зерновая продукция в колхозах между его работниками Мы ставим перед собой ограниченную задачу - получить представление о том, в какой степени выдачи зерна по трудодням соответствовали потребностям колхозной семьи В наиболее общем виде эти данные представлены в таблице 2

Как видно из таблицы, в предвоенные годы рекордный урожай 1937 г позволил колхозам выдать своим работникам больше, чем сдать зерна государству В последующий период выдача по трудодням не зависела от величины урожая Более того, в самые трудные для деревни два первых послевоенных года удельный вес отчуждаемой

Таблица 3

Средняя выдача зерна колхозникам по трудодням по СССР*

	Годы				
	1940	1943	1944	1947	1950
На 1 двор (ц)	8,2	2,6	2,9	4,2	5,8
На 1 трудодень (кг)	1,6	0,7	0,8	1,0	1,4

* ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 48. Д. 2405. Л. 178-191.

государством зерновой продукции был наиболее высоким. Почти неизменной оставалась доля урожая, идущая на пополнение колхозных фондов, центральные власти строго следили за тем, чтобы колхозы после выполнения государственных планов в первую очередь пополняли колхозные фонды, а лишь после этого проводили оплату трудодней. В подтверждение приведем выдержку из секретного постановления ЦК партии и Совмина СССР от 15 июля 1952 г., которая наглядно свидетельствует о характере распределительных отношений, сложившихся между государствами и колхозами: "Признать недопустимым, что во многих районах все еще имеет место неправильная практика распределения и использования доходов в колхозах, когда после выполнения обязательств перед государством почти все зерно, картофель, другие сельскохозяйственные продукты и значительная часть кормов распределяются по трудодням, в результате чего колхозы не создают в необходимых размерах семенные, фуражные, страховые фонды... Такая неправильная практика распределения почти всех доходов по трудодням препятствует дальнейшему развитию общественного хозяйства" [2]. Партийные органы обязывались устранить эту "неправильную практику".

Следовательно, только обманув государство, колхозники могли как-то надеяться на улучшение своего материального положения. Поэтому вся правительственная переписка наполнена многочисленными ссылками официальных лиц на распространение такого приема, применяемого колхозами при уборке урожая, как списание значительного количества зерна в так называемые мертвые отходы. Это помогало колхозам скрывать хищения и незаконные, с точки зрения государства, колхозные расходы на оплату трудодней.

В 40-е гг. изменились размеры выдачи зерновой продукции (таблица 3).

Выработка трудодней (в среднем на 1 трудоспособного колхозника) выросла за 1940-1950 гг. с 257 до 269, а вот выдача зерна сократилась. Еще больший разрыв между 1940 и 1950 гг. наблюдается, если сопоставить размеры натуральной оплаты в расчете на колхозный двор. В таблице 4 приведены средние данные по стране. Действительная выдача по районам значительно отличалась: высокая натуральная оплата трудодня в 40-е гг. сохранялась на Северном Кавказе, в Средней Азии, некоторых областях Центра, низкая - во многих районах РСФСР и Белоруссии.

Более реальное представление о разрыве между отдельными колхозами страны дают цифры таблицы 4.

Как же государство осуществляло распределение той части урожая, которая полностью находилась в его распоряжении? Наглядное представление об этом дают зерновые балансы (приложение).

Цифры показывают, что основная доля поступления приходилась на заготовки и закупки, импорт зерна не превышал в 40-е гг. 0,3-1,3% всей приходной части баланса. Поступление из госрезерва - тот объем зерна, который ежегодно разбронировался правительством в связи с какими-либо чрезвычайными обстоятельствами. В отдельных случаях это было связано с истечением сроков хранения части зерна, которое возмещалось в госрезерв из урожая текущего года.

Таблица 4

Группировка колхозов СССР по выдаче зерновых и бобовых на 1 трудодень (в % к итогу)**

Выдача зерна и бобовых	Годы			
	1939	1945	1946	1950
До 100 гр		8,8	14,1	1,6
Свыше 100 до 300 гр	_	28,4	30,8	8,8
Свыше 300 до 500 гр	—	20,6	17,7	11,8
Свыше 500 до 700 гр	-	12,2	9,4	11,0
Свыше 700 до 1000 гр	35,9	10,6	7,7	15,7
Свыше 1 кг до 2 кг	31,9	10,4	6,7	28,4
Свыше 2 кг до 3 кг	15,5	2,4	1,8	12,7
Свыше 3 кг до 5 кг	9,4	1,0	1,0	6,5
Свыше 5 кг	2,9	0,2	02	1,4
Без выдачи зерна на трудодни	4,4	5,4	10,6	2 1
	100,0	100,0	100,0	100,0

** ГАРФ Ф 5446 Оп 52 Д 3418 Л 149-153, РГАЭ Ф 9476 Оп 2 Д 70 Л 84-105

Уже отмечалось, что часть национального запаса хранилась на складах министерства заготовок и учитывалась в отчетности этого учреждения. Та часть, хранение которой осуществляло министерство продрезервов, проходила по отдельной отчетности и в данные министерства заготовок не попадала. Об этом же свидетельствует сравнение показателей таблицы 1 и приложения.

Это сравнение показывает, что разница между наличием зерна госрезерва на 1 января и 1 июля каждого года значительно отличалась от цифры поступления зерна из госрезерва, которая указана в балансах зерновых культур (приложение). Свидетельствует ли данный факт о повышенной степени секретности, необходимой для сохранения государственной тайны, или имела место "двойная бухгалтерия", отражающая наличие у правительства особого резервного фонда - судить без достаточных оснований трудно. Видимо, та часть зерна, которая указана в балансах в графе "поступление из госрезерва" - только то, что находилось в непосредственном распоряжении министерства заготовок, а не весь хлеб, ежегодно разбронируемый государством. После войны доля зерна, поступившего из госрезерва, в приходной части баланса увеличивается и составляет от 3-4% до 6% и более

Поступление зерна из особого резерва - государственного страхового и сортового фонда, как правило, было связано с недостатком посевного материала в колхозах.

Наибольший удельный вес в расходной части баланса занимала переработка зерновой продукции на муку и крупу В годы войны снижается не только доля переработки, но и абсолютные цифры. После войны удельный вес этой статьи несколько возрастает и почти достигает довоенного показателя. При планировании названной статьи государство исходило из складывающегося расхода, который должен был обеспечить текущие потребности армии, гражданского населения, закладку на базы министерства продрезервов и создание так называемого коммерческого остатка в пределах месячной (или несколько больше) потребности. На фоне 40-х гг выделяется низкая цифра 1947 г , что, безусловно, связано с плохим урожаем предыдущего года

Сравнительно невысокими были показатели, характеризующие отпуск зерна в рыночный фонд. Попытаемся объяснить этот факт. Если хлеб по карточкам отпускался по так называемым ценам нормированной торговли, которые были низкими и за годы войны не изменялись, то государственные коммерческие цены на хлеб, муку и крупу были в десятки раз выше (еще больше были цены на колхозных рынках). Естественно, что министерство торговли было заинтересовано в повышении количества хлеба, продаваемого через коммерческие магазины, палатки, рестораны (правительственная переписка содержит многочисленные факты по этому вопросу). Но

правительство не могло пойти на это. Во-первых, потому, что продовольственных ресурсов в предвоенные и военные годы было немного и их следовало экономно расходовать. Во-вторых, расширение коммерческой торговли только бы усилило социальные конфликты внутри общества, и без того носившие сложный характер. Интересно отметить, что в 1948-1950 гг., т.е. уже после отмены карточек, абсолютные размеры хлеба, отпускаемого в рыночный фонд, были сравнительно невелики (показатель 1950 г. меньше соответствующей цифры за все военные годы). Это понятно, если учесть, что по идеологическим соображениям правительство не было заинтересовано в дальнейшем поощрении зажиточной прослойки общества, сложившейся за военные годы. Снижая после отмены карточек государственные розничные цены, власти пытались проводить политику не в направлении закрепления социального расслоения, а, наоборот, в плане "уравнивания" всех со всеми.

Невысоким был и удельный вес зерна, отпускаемого в фуражный фонд - общественное животноводство росло после войны низкими темпами, а о скотине, находящейся в личном пользовании граждан, деревенское население должно было заботиться само.

Отпуск зерна централизованным потребителям - армия, флот, НКВД (МВД), ГУЛАГ, особое строительство (например, Дальстрой) - резко вырос в годы войны из-за увеличения численности Вооруженных Сил СССР. К 1948 г. после завершения демобилизации они сократились до 2874 тыс. человек, но в 1949 г. из-за разгоревшейся "холодной войны" вновь несколько выросли. В 1950 г. насчитывалось не менее 3 млн военнослужащих, 2,6 млн заключенных.

Экспорт зерна был высоким до войны и еще больше возрос после войны (до 8% всей расходной части баланса в 1948-1950 гг.).

Помимо того, что экспорт зерна представлял важную статью валютных поступлений в казну и способствовал развитию народного хозяйства, он использовался и как средство большой политики. В 40-е гг. этот аспект заграничной торговли зерновой продукцией выступает на первый план. Как известно, согласно кредитному соглашению между СССР и Германией (август 1939 г.), Советский Союз в обмен на кредиты, заказы и оборудование поставлял немецкому партнеру сырье, в том числе хлеб.

За два предвоенных года общий объем экспорта зерна составил 1983,3 тыс. тонн (приложение). В годы войны он сократился до минимума. В 1946 г., несмотря на тяжелую обстановку внутри страны, он вновь составил более 1 млн тонн. В первом полугодии 1946 г. было разбронировано из госрезерва 4,6 млн тонн, в том числе для экспорта во Францию - 0,5 млн тонн. Как отмечалось в сообщении о подписании соглашения о поставках зерна во Францию, Советское правительство, "учитывая тяжелое продовольственное положение во Франции и просьбу Французского правительства, решило пойти навстречу Франции как своему союзнику". Политическая направленность помощи понятна - поддержать французских коммунистов и повысить их престиж на выборах. Непонятно только, почему эта "щедрость" должна была осуществляться за счет населения собственной страны? Помимо Франции зерно поставлялось в Болгарию, Румынию, Польшу, Чехословакию, Берлин (летом 1948 г. в связи с берлинской блокадой), другие страны.

Крестьяне голодающих районов рассматривали поставки зерна за границу как политику, враждебную по отношению к ним: "Меньше продавать хлеба за границу. Кормить досыта свой народ...", "Куда идет наш хлеб - в Берлин для наших исконных врагов, кто уничтожил богатства нашего труда? А теперь сидите (дурака вы трудитесь), а мы будем пожирать ваш труд" [3].

Весьма неравномерно по годам распределялся расход, связанный со сдачей хлеба в госрезерв. В предыдущем параграфе мы показали, от каких причин это зависело в годы войны. После войны, начиная с урожайного 1947 г., три года подряд в резерв зачислялось ежегодно от 5 до 9 млн. тонн (приложение). Отчасти это можно объяснить необходимостью возмещения зерна, которое в больших объемах разбронировалось в эти годы из национальных запасов.

В рассматриваемый период наблюдается рост отпуска семенных ссуд, который был связан с рядом причин, в том числе с неблагоприятными погодными условиями. Учитывая, что правительство все время неоправданно завышало урожайность и тем повышало размеры хлебозаготовок, колхозы в неурожайные годы нередко оставались без семенного зерна и вынуждены были пользоваться государственными ссудами. Рост ссуд происходил и в результате расширения площадей посева озимой пшеницы, которые сократились за 1940-1945 гг. с 11701 до 7353 тыс. гектаров.

Анализ производства и распределения зерна в СССР в 40-е гг. дает возможность сделать ряд выводов. С победой колхозного строя сложилась особая форма производственно-распределительных отношений, позволяющая государству осуществлять полный контроль почти над всем выращенным в стране хлебом. Ведь даже та его часть, которая оставалась в хозяйствах, шла на первоочередное восстановление колхозных фондов (семенного, фуражного, страхового), т.е. опять-таки для того, чтобы ежегодное производство зерна для государства не прерывалось. Война, засуха, голод - все эти чрезвычайные обстоятельства ничуть не поколебали отлаженной системы. Более того, они продемонстрировали ее эффективность, так как даже в самые трудные годы позволяли правительству сосредоточивать в своих руках запасы, необходимые для успешной работы большой государственной машины. Резкое падение валовых урожаев и государственных заказов в отдельные годы (1942-1943, 1946 гг.) компенсировалось путем жесткого контроля за распределением хлеба между его основными потребителями внутри страны. Экономия достигалась в первую очередь за счет главного производителя продукта - деревенского населения. Как показывают цифры, натуральная оплата труда в общественном хозяйстве не позволяла многим колхозникам прокормить себя и свои семьи. Правительство прекрасно знало об этом - личное хозяйство должно было восполнить то, что недодавало колхозное. Так формировалось мировоззрение сторон — что для одних было главным, для других — второстепенным. Дело, следовательно, заключалось не в исконной "мелкобуржуазной природе крестьянина", как о том толковала вся марксистско-ленинская литература, а в тех обстоятельствах, в которые был поставлен русский мужик. И если для военных лет его патриотизм находил оправдание государственной эксплуатации деревни, то после завершения войны оно исчезло. Помимо того, что приусадебные участки позволяли крестьянину не умереть с голода, они подпитывали его земледельческие инстинкты, создавали иллюзию прежней жизни "на земле".

Чтобы сделать возможным контроль над производством и распределением зерна, была создана колхозная система, машинно-тракторные станции, разветвленный государственный заготовительный аппарат, продумано множество способов, позволяющих изымать максимум возможного. Среди них один из главных - видовая оценка урожайности. Именно она устанавливала верхнюю планку хлебозаготовок, до которой "подтягивали" деревню десятки тысяч уполномоченных, сотни секретных партийных постановлений. По-иному видится нам и роль машинно-тракторных станций - еще один мощный рычаг государства в деревне. Вступив в колхозы с мыслью о совместном, коллективном труде, мужики, конечно же, мечтали и о более совершенных орудиях. Этим мечтам (как и многим другим) не суждено было сбыться. Пользуясь своим монопольным положением как главного владельца сельскохозяйственной техники в деревне, МТС способствовали дополнительному выкачиванию зерна. По своему социальному положению (оплата труда, правовое положение, социальное обеспечение) их работники являлись "элитой" по отношению к остальным сельским жителям. Даже тогда, когда неестественные взаимоотношения между колхозами и МТС стали очевидными, государство не упразднило машинно-тракторные станции.

Ни в одной другой области социальных отношений не проявилась так отчетливо природа советского государства, как в сфере распределения. И не только в отношении

к какой-либо одной части общества, а ко всему в целом - низкие выдачи на трудодни в колхозах и такие же невысокие нормы продовольственного снабжения по карточкам для городских жителей. Не будем забывать, что в 40-е гг. заготовительная цена 1 ц зерновых возмещала колхозам лишь шестую часть их себестоимости. Остальное шло в карман государству. Как свидетельствуют цифры, с урожая 1944 г. начинается постоянный рост национальных запасов зерна. Засуха 1946 г. несколько понизила госрезерв, но в последующие годы наблюдается его неуклонный рост. Это мало отразилось на уровне жизни населения, зато возрастал экспорт зерна в страны социалистического содружества (и в другие страны).

Цифры зернового производства и распределения характеризуют государственную политику, проводимую по отношению к народу. После завершения победоносной войны в этой политике не произошло никаких существенных изменений - интересы людей по-прежнему стояли для правительства на последнем месте. Если рассматривать эффективность системы с позиций государственной власти, она, безусловно, заслуживает полного признания, а опыт управления огромной страной можно считать бесценным. Каждое звено системы (включая организационные структуры и конкретных исполнителей) скрепляло всю цепь воедино и было необходимо. Не случайно высшие руководители страны отождествляли каждого человека советского общества с "винтиком", обязанным вращаться в нужную для правительства сторону. Иначе, как предостерегал Сталин, «какой-либо "винтик" разладился - и кончено». Поэтому любые проявления антиколхозных настроений, попытки хоть в малой степени смягчить хлебозаготовки (от кого бы они ни исходили) рассматривались центральной властью как антигосударственные.

Если судить о системе хлебозаготовок не только с точки зрения достигнутых результатов, но и с учетом понесенных потерь (о чем свидетельствуют низкое качество зерновой продукции и огромные потери при уборке и хранении), она не может быть признана эффективной.

ПРИМЕЧАНИЕ К ПРИЛОЖЕНИЮ

Составлено по данным: РГАЭ. Архивная коллекция; ГАРФ. Архивная коллекция. Балансы составлялись наркоматом (министерством) заготовок СССР и имели гриф "сов. секретно". Данные за первые три года составлялись за период с 1 июля одного по 1 июля следующего года, т.е. за так называемый сельскохозяйственный год. Например, 1938/39 сельхозгод, где в графе "приход" наличие зерна указывалось на 1 июля 1938 г., в графе "расход" - на 1 июля 1939 г. С 1942 по 1950 гг. зерновые балансы составлялись за календарный год, т.е. в графе "приход" наличие зерна указывалось на 1 января 1942 г., в графе "расход" - на 1 января 1943 г. За 1949 г. из-за отсутствия годового баланса помещены полугодовые: 1-е полугодие охватывает период с 1 января по 1 июля 1949 г., 2-е полугодие - с 1 июля 1949 г. по 1 января 1950 г. В таблице приведены только те статьи баланса, которые включались в этот документ ежегодно. Поэтому итоговая цифра расхода и прихода не соответствует сумме показателей, приведенных в таблице.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Волкогонов Д.А.* Семь вождей. // М., 1995. Кн. I. С. 382.
2. Отечественные архивы. 1995. № 4. С. 84-85.
3. *Попов В.П.* Российская деревня после войны (июнь 1945 - март 1953 гг.): Сборник документов. // М., 1993. С. 105, 137.